

Леонид Чекалкин

ТРОПА ДОВЕРИЯ

Книга стихов

Москва
Грифон
2019

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч-37

Чекалкин Л.И.

Ч-37 ТРОПА ДОВЕРИЯ. – Москва: Издательство
«Грифон», 2019. – 148 с.

ISBN 978-5-98862-000-0

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98862-000-0 © Леонид Чекалкин, 2019

КОСТОЧКА ВОЕННАЯ ЖИВА

ДИТЯ ВОЙНЫ

В мир живых в давний час
Я пришёл по лучу,
Что проник сквозь
Осколком пробитую
крышу.

Я всегда узнаю
Всё, что знать захочу,
Слышу то,
Что в реалии слышу.

Я пришёл в этот мир,
Чтоб улучшить его.
Все подробности жизни
Для жизни – приемлю.

И ценю от рожденья
Превыше всего
Солнца свет,
Согревающий душу
и землю.

СЛЕД ПАМЯТИ. 1941 год

Просветлённое небо июня.
Ветра нет, Но и нет облаков.
И солнце – по-летнему юно,
Не знает преград и оков.
Проявление полной свободы,
Воцарение той тишины,
Что бывает по воле природы
Накануне жестокой войны.

СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ

*Памяти поэта
Давида Самойлова*

Я помню беды и победы,
Сумятицу минувших дней,
Не очевидные пробелы
Теперь становятся видней.
...И, помня годы роковые,
Прошедшие среди огня, –
Благодарю сороковые,
На свет призвавшие меня.

ИЮНЬ 1945 ГОДА

Ржание коня.
Не ржанье – стоны.
Некому конягу пристрелить:
То ли все истрачены патроны,
То ли жалко жалостью убить.
Пролетела весть по всей деревне,
Донеслись те стоны до меня...
В летний день послевоенный
Перебиты ноги у коня.
Выкопал наган на огороде,
Прибежал к коню через грозу...
Смыли струи с мёртвой морды
Чёрную слезу.

ОКОНЧЕНЫ БОИ

1

Замолчали пушки.
Всё – конец войны,
Танки, что игрушки, –
Тоже не нужны.
А на перегонах –
Песни и гудки,
Люди в эшелонах –
Бывшие полки.
Поплыли вагоны,
– Пей, не уходи:
Новые погоны,
Орден на груди...

2

На Руси пристойно
В городе, в глуши –
Горькое застолье
За помин души:
«Те, кто не вернётся
Никогда живым,
В сердце остаётся
Вечно молодым»...
Кто вернулись, живы –
Младший и старшой.
Весь народ служивый –
С выжженной душой.

ЗВЕЗДА

Большой войны запомнил гром,
О том продляю речь я,
Снятым взращённый молоком
И воздухом Замоскворечья.
Но не о том рассказ веду,
Что мне известен голод –
Спешу прославить я звезду,
С которой выжил город.
И защитить её спешу,
Навет изгнать увечный:
Я в сердце свет её ношу –
Звезды пятиконечной...
Смертельную осилили беду,
Теперь она – не близко,
Запомним каждую звезду
Военных обелисков.

ИМЯ

*Владимиру Силкину –
поэту, полковнику*

1

Жил, служил, изведал страха
И сражений чуял пульс.
Но судьба – слепая сваха –
Заманила в мир искусств.
И в краю стихов и прозы
Вдохновенья слышу весть –
Не страшусь любой угрозы
Тех, кто продал свою честь.

2

А имя, прилетевшее извне,
При поиске внимательном
Подарено совместно мне
Отцом родным и матерью.
Оно сжилось с моей судьбой,
Обучено вставать с рассветом.
Когда-то я ввязался в бой –
Себя считаю воином-поэтом.

ВОПРЕКИ

Не жажду я теперь отмщенья
(И кладовая сожжена обид),
Я подарил всем недругам прощенье,
Забыв их виноватый вид.
Был слабостям подвержен и сомненьям,
Теперь ошибки глупые изжил –
Ту память дисциплин военных,
Которым преданно служил.
И, уставая от муштры и крика,
Я всё же выжил и забыл грехи
Благодаря свободе многоликой,
Дарующей полночные стихи.

ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Деревья-юнцы и бойцы на плацу, –
В шеренгу построены ровно.
Ребятам их форма, как будто, к лицу,
Со вкусом покроена – скромно.
И трепет весенней листвы на ветру,
И раннего солнца порядок –
Ввязаться готовы немедля в игру,
Не помня разрывов снарядов.
Все – живы, и счастье ещё впереди,
Учение – опыт бесценный сраженья,
И сердце работает чётко в груди –
Ещё не познало стыда пораженья.

СТАРЫЙ ПИЛОТ

Авиаторам Великой Отечественной

Следит он за полетом
облака,
За превращением его живого
облика –
От белоснежного,
на вид – морозного,
До хмурого,
и даже грозного.
И в созерцанье том –
достанет радости, –
Пускай душа не знает
праздности.
А праздники его давно
утеряны, –
Остались позади –
в убитом времени.

ПОКОЛЕНИЕ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Три войны достались поколению...

Три войны, конечно, многовато
Для любых девчонок и мужей:
Ордена их в виде экспонатов
Ни один не уместит музей.

...На любом заброшенном погосте,
В каждом городке большой страны
Возлежат в могилах братских кости
Праведников жертвенных войны...

Старики идут неспешно, горбясь.
И у них есть просьба к молодым:
– Перед павшими склоняйтесь в скорби,
Не мешайте доживать живым.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ. МАЙ 1945

В пейзаже мирном видится невольно
(Всё ж косточка военная права):
Скрывают тайну медленные волны,
В них перископы движутся едва.
Пакгаузы в порту, как точки огневые,
Прожектором-луною вскрыта даль.
Туманы над рекой – завесы дымовые,
Но корабельная проблёскивает сталь.
И молнии разряд – как залп ракетный,
А гром – далёкой канонады звук –
Перерождаются в салют победный,
И кажется – нет смерти и разлук.
Ликуют все – толпою многоликой,
И радость общая, на всех – одна.
Мы победили всё-таки в Великой!
Не зря такую названа война.

ПАРАД ПОБЕДЫ. 1995 ГОД

В знамённой группе несколько бойцов –
Героев-воинов большой страны,
со знаменем – отважный Одинцов,
Один из лётчиков большой войны.
Парад Победы – праздник на века.
Наветы не уместны в День Победы.
И скажут правнуки, взглянув издалека:
Здесь быть могли и наши деды.

ПРИЛИВ

Ещё отступят холода,
Тепло вернётся,
Откроется легко вода,
Волна очнётся.
И, набегая на мысок
Косы прибрежной,
Слегка заденет мой висок
Ладонью снежной.
И улетят остатки сна,
И боль очнётся,
И заберёт её волна,
И вновь вернётся.

ОДНОПОЛЧАНЕ

*Памяти М.П. Одинцова,
Дважды Героя Советского Союза*

Кого-то зрелость,
А кого-то смелость
Дорогой трудной
Повела.
Кому-то резвость,
А другому зрелость
Для взлёта
Выдала крыла.
И каждый
Получил своё
В извечной страшной
Круговерти:
Одни –
Незябкое житьё-бытьё,
Другие –
Бой до самой
Смерти.

КОСЬБА

Два больших генерала с утра,
Дружно косят густую траву,
А вокруг собралась детвора, –
Диво дивное зрит наяву.
Свои косы умело отбив,
На газетку сложив кителя,
Генералы – в траву, как в прилив,
Любознательный люд веселя.
А старик дядя Коля – хромой
(после Курской дуги – без ноги)
Не пошёл, как обычно, домой,
Костылём не отмерил шаги.
Ему люб генеральский запал
(Голос юности – вечно живёт):
– Наш трудяга-народ не пропал,
В России – бессмертный народ.

ЗАМИРАЕТ ПРИРОДА

И слышался шум неизвестный –
Посторонний, неведомый шум.
Может быть, незнакомая песня? –
Она первой приходит на ум.
Нет, не песня, – гармонии нету,
Вместо слов только шорох один –
Не всегда всё подвластно поэту,
Если сердцу – тревожно в груди.
Ну, а если не песня, то что же
Прилетает в окошко извне?
Я внимательно слушаю, строже –
Слышен марш на армейской волне.
И не спит в ожиданье дорога,
Звук пропал, неизвестный судьбе,
Но живёт тишина,
голос Бога
Я пытаюсь услышать в себе.

ПАМЯТЬ ВИНЫ

Скоро – магия мая,
Чистый свет и тепло.
Это я понимаю,
В этом мне повезло.
Повезло, коли дожил,
Пережив сто веков,
До поры, когда кожей
Я не чую оков.
И теперь не отвергну
Шум весны, – не спугну,
С этим праздником вербным
До утра не усну,
Ибо магия мая –
Это право весны
Расцветать, отнимая
Чью-то память вины.

ПЕЧАЛЬ

*Памяти отца – Ивана Авдеевича,
генерала, родом из деревни
Чекáлки Вятской губернии*

Обрушилось время. Пора листопада
Настала в моём просветлённом лесу.
Не надо кричать, надрываясь, не надо,
Я грусть эту молча один пронесу.
Листва облетает, меняется зреньё,
И можно увидеть вдали за рекой:
Роняют листву и кусты, и деревья
Похожего леса – округи другой...
И, значит, повсюду пора увяданья,
И душу тревожит не только мою
Летящая тихо печаль расставанья.
Запомнил её и в молчанье стою...
Холодные краски стального заката
Роняют себя на поверхность волны,
И смотрит отец отрешённо куда-то,
И слушает раны забытой войны.

ПАЛАЯ ЛИСТВА

Обречённая пала листва,
Беззащитными стали деревья.
Постаревшая память родства
Охраняет примеры доверья.
Острота ощущений ушла,
Лишь порой среди ночи
Невзначай промахнётся игла,
Ткань сшивавшая строчек.
Ощущение давних разлук,
Окроплённое капелькой крови,
Возвращает лишь память-паук
Из угла сиротливого крова.

СИРОТСТВО

Отцу

Не запомнил начала
И не знаю конца,
Вновь стою у причала
Родного крыльца.
Здесь окончены сроки
Жизни близких людей,
Где давал мне уроки
Мой отец-чародей.

ПОБЕДИТЕЛИ – ЖИВЫ

А во дворе однообразны вечера:
Здесь шумная играет детвора,
И светят приглушённо фонари
От вечера до утренней зари.
И рядом обсуждают жизнь страны
Три старика из той – большой – войны,
И пар дыханья тает без следа.
А ребятне, умученной в игре,
Реалии не снятся никогда,
Где люди-памятники ходят по земле.

ПОТОМОК

Шуршит по дому жухлая листва,
Глазницы окон – жутковаты,
Давно исчезли запахи родства –
Ни правых нет, ни виноватых.
Старушка-яблоня – одна в саду,
Скрипят суставы веток узловатых,
А что ей грезится в бреду,
Где правых нет и виноватых?
Лес чувствует приход весны
И ждёт гонцов крылатых,
А я в плену слепой вины –
Потомок правых-виноватых.

УЧЕНИЯ

*Ревичу А.М. – поэту,
солдату-победителю
из штрафбата*

Рассвет привычно тороплив
В своём стремленье смелом –
Все светотени перевив,
Явиться светом белым.
От крыши отразился блик,
Всходящим солнцем полный,
И повернул лохматый блин
К нему чудак-подсолнух.
И резко птичий пересвист
Пронзил насквозь окрестность –
Спит необстрелянный горнист
У изголовья песни.
Пора бойца растормошить,
Чтоб чуя звуки в горле,
Он передал тепло души
Тревожным звукам горна...
Сигнал раздался в полусне:
– Вставай! Вставай, пехота! –
Как на войне, не на войне
Нужна твоя работа.

ТРЕВОГА

В чистом поле снег клубится.
Дует ветер низовой.
Заполóшно всадник мчится
С непокрытой головой.
Преисполненный тревоги,
За спиной оставив кров,
Он, не ведая дороги,
Снеговой крошит покров.
И – нахлёстывает плётка,
Оставляя след огня
На боках упругих, потных
Белогривого коня.
Видно, чёрная кручина
Посетила чей-то дом.
Вот и веская причина –
Устремиться в ночь верхом...
Скрылся всадник оголтелый,
Пролетел и... позабыт,
Только след остался белый
От стремительных копыт.
Ночь простёрлась от порога
Вдаль – по улочкам пустым.
Не рассеялась тревога –
Растворился снежный дым.

УБЕРЕЧЬ РЕБЯТ

Время – грома-молнии.
Кругом – голова.
Там, где слово молвлено –
Буйствует трава.
Если слово молвлено,
Отступают сны –
Вновь они наполнены
Памятью войны.
Беглая бессонница,
Мерные часы.
В отдаленье звонница
Пробует басы,
Чтобы мог заранее
Прозвучать набат –
И не только раненых
Убереечь ребят...
Если слово молвлено,
Не приходят сны.
До сих пор наполнены
Памятью войны.

НАБЕЛО

Распахиваю настежь дверь,
Иду учиться грамоте.
Перед лицом былых потерь
Держу их крепко в памяти.
Известно, грамоте простой,
Где слово к слову движется.
Я там устроюсь на постой,
Чтоб написалась книжица,
Пока не ведаю – о чём,
Какой в ней будет фабула.
Я к дереву прижмусь плечом
И буду думать набело.
Я знаю: времени – в обрез
И не ленюсь поэтому,
А помощь снизойдёт с небес
Согласно сну поэтову.
И мысль живая – недолга,
Но правильно построена:
Лишь кажется: она строга, –
На нежный лад настроена.
Всегда – на добрые дела,
На помыслы правдивые,
На вечный бой добра и зла,
И сны непобедимые.

СОН НА ЗАКАТЕ

Мой сон слегка поторопил закат,
И я в него попал до срока,
Иду, иду спокойно наугад,
Припомнив наставления урока.
Иду, иду, не зная неудобств
(а боли нет – не тяжела дорога)
И ветер нынче непривычно добр,
За мной спешит от старого порога...
Ежевечерние блуждания во сне
Мне дарят дополнительные силы
И осознание того, что я – в России,
Продляет жизнь невольню на земле.
Иду, иду, как прежде, наугад,
Окрестности оглядывая строго,
И жду момент, когда немой закат
Нашепчет неизвестные мне строки.

БЕСПЕЧНОСТЬ

О, как беспечно годы я растратил,
Не замечая мимолётности минут.
Я знаю, что грядущие утраты
Меня ещё к ответу призовут.
Теперь, мгновенья различая зримо,
Упущенное силуюсь наверстать,
Не пролетай, ты, время, мимо,
И помоги мой труд сверстать.

ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ

Не веду прожитому отсчёт —
Не велит вдохновенья страда.
Моё время неслышно течёт,
Неизвестно — зачем и куда.
Но я жизнь проживаю не зря,
И заката — светла полоса,
И созвездья привычно горят,
А на травах и кронах — роса.
Не могу сосчитать, сколько звёзд
Приютила на листьях вода...
Только вечное время течёт,
Точно зная, — зачем и куда.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА

Ночь простёрлась за порогом,
Позади – нелёгкий путь.
Помечтаю о немногом –
Между строчек отдохнуть.
Свет струится понемногу,
Неба скрыты берега,
Побелили путь-дорогу
Бесконечные снега.
Год идёт послевоенный,
Ещё помнят все войну...
Охраняю сон вселенной –
Не могу предаться сну.

ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ

Я – последний боец
Из военной семьи:
и отец мой ушёл,
как и братья мои.

И теперь мне осталось
и жить-доживать,
и дела завершать,
и плоды пожинать.

И одна только мысль
Не подвластна уму:
почему это всё
одному,
почему?

ВИНА

...Чтоб я ему ещё молиться мог

Ф. Тютчев

Не во зло, но – вопреки, – во имя
Всех, кто был мне дорог на Земле,
Сон гоню мгновеньями ночными:
Мысль – жива, пока она – во мне.
Я – живой, и вспоминаю даты
В тишине заброшенной глуши,
Перед всеми – вечно виноватый,
Каждому дарил тепло души...
Наблюдая звёзды меж крестами,
Понимаю, что всемогущий Бог
Одного меня в живых оставил,
Чтобы я за всех молиться мог.

ПРИПАСЫ

Не смету все преграды –
Чью-то боль отведу.
Мне немного надо –
Я живу на лету.
Мне бы чистого неба
С негасимой звездой,
Да горбушечку хлеба –
Основною едой.
Да запить, если хотца –
Из бадейки худой
Той водой из колодца,
Ключевою водой.
Да хорошего слова,
Если встречу, – от вас.
Если нет, значит снова
Из того, что припас.

ПРИЧИНА ПЕЧАЛИ

Ветеранам

То ли ветер сквозной
Растревожил дубраву,
Беспощадный ли зной
Погубил медоносную траву?
Может счастье ушло,
И потерю ничем не измерить?
И – безвольно весло
И не виден спасительный берег?
Или снова беда – велика?
И мгновенья навеки застыли,
Позабыв навсегда
Те, что радостью были?

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

Покуда ещё живы,
Не как-то, а вдвоём.
Пока нерасторжимы –
Глядят за окоём.
Привязанность?
Усталость?
Никак не разберёшь.
Но с ними не рассталась
Привычка слушать дождь.
Стучит, стучит по крыше,
Звеня, по стёклам бьёт,
Быть может, боль утишит,
Утешит – не соврёт.

СПУСТЯ ПОЛВЕКА

Послевоенной вынянчен наукой,
По ней и жизнь свою крою:
Привязанность проверится разлукой,
Приверженность проверится в бою.
Я скован ожиданием потери,
И никого на помощь не зову,
А злые шутки всякого неверья –
С достоинством один переживу.
Я вынянчен военной наукой,
Теперь, спустя полвека, говорю:
– Привязанность проверена разлукой,
Приверженность испытана в бою.

30 ЛЕТ СПУСТЯ

Затишье.

И кроны деревьев – недвижимы,
не чувствуют скорби,

не знают наживы.

Над ними – громада

плывёт облаков:

с вершины – светлее,

темнее – с боков.

Желанный покой

не приходит ко мне,

растаял на подступах

к поздней весне.

Наверное, в мерной

укрылся капли,

пока согревался

я в старой шинели,

пропахшей ветрами

и пылью дорог,

пока получал я

жестокий урок,

теряя товарищей

близких в бою,

О ком непременно

в застолье спую.

ПАМЯТИ ПОЭТА Я. СМЕЛЯКОВА

Бессонница – спутница боли
И ветра в холодной ночи.
А он разгулялся на воле
И веткой в окошко стучит.
В ненастную эту погоду
Забывшие вспомню дела,
Чтоб польза семье и народу,
Пусть малая, всё же – была.
Запомнил совет этот мудрый,
Пока находился в пути,
И – силы нельзя не найти,
Встречая с достоинством утро.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Немало нам досталось,
И вот без нашей воли
Просеялась усталость
Крутою крупкой соли.

Мы эту соль с морскойю
Смешали, но едва ли
С тобой забудем вскоре
Обвал на перевале.

Где страшно и не долго
Каменья – тверже стали –
Былой войны осколки –
Со свистом пролетали.

ВЕРНОСТЬ ИДЕЙ

Прежних чувств
ущемлённая праздность –
Благодарность
За верность идей.
Наших будней
Жива солидарность,
Как у верных
Людей.

СНАЧАЛА – ПОРАЖЕНЬЕ

Я с давних пор не ввязываюсь в бой.
Не только потому меня минуют беды –
В любом сраженье оставляю за собой
Я убеждённость в собственной победе.
Теперь я вижу так и знаю наяву,
Что в жизни смысл пути – движенье.
И потому на свете долго я живу,
Что испытал сначала поражение.

ПОДО РЖЕВОМ

Отрядам поисковиков

В заброшенной глуши
Исчезло поколение,
И цель моей души –
Их тел захороненье.
И потому я здесь,
А не в далёкой дали, –
Испытываю смесь
Печали и печали.

УТРО ПЕРЕД БОЕМ

Едва только солнце взойдёт
И празднично выбелит горы,
Как дрожь вековая проймёт
Спокойно лежавшее море.
Так в час перед новым броском,
За миг до атаки когда-то
Тревога пробежкой, ползком
Роднила солдата с солдатом.
А может быть было не так,
И молча душа заклинала,
Чтобы пуля во время атак
Меня и друзей миновала.

ОТГОЛОСКИ

Снова в доме живет тишина
В ожиданье ночного прибоя.
Окна – настезь, влетает волна
Отголоском минувшего боя.
И опять тишина. Лишь часы
Мирно меряют время ночное.
Где-то бродят поблизости сны,
Обещая минуты покоя.
Я не сплю, я дыханье ловлю,
Чую сердцем волнение пульса.
Я вас, мирные люди, люблю
И желаю всем утром проснуться.
Отползает опять тишина –
Слышен голос ночного прибоя.
Окна – настезь. Влетает волна
Отголоском грядущего боя.

ИСПОЛАТЬ, ДОКТОРА!

*Персоналам ГВГ им. Бурденко
и 3 госпиталя им. Вишневского*

Исполать, доктора!
Вам поклон до земли,
Что не умер вчера
От шести до семи.
От утра до утра
Свои боли терпел.
Перешив, что – пора,
Тихо Лазаря пел.
Но сестрица одна
Не поверила мне.
Говорила она:
«Нынче время – весне».
«За работу пора», –
Эскулап мой ворчал
И меня врачевал,
Как другого – вчера...
Исполать, доктора!

ЖАЖДА БЫТИЯ

Ещё не все упали строчки
На поле белого листа.
Берёз и лип набухли почки –
Вот-вот проклюнется листва.
Но воздух терпкий и пьянящий
Вновь нежно голову кружит.
И голубь, в небесах парящий,
Заставил посмотреть в зенит.
Там солнце горячо и ярко
Слепит глаза, и потому
Мне видится уже двойко
Пейзаж, знакомый одному.
Мне одному открыто небо,
Деревья, дальние суда.
Я никогда чужим здесь не был,
И не вернусь чужим сюда.
В единстве и противоборстве
Бунтует жажда бытия.
Вот почему с таким упорством
За эту жизнь сражаюсь я.

НЕМОТА

Благодаренье посуху
Промозглою зимой:
С ним по воде, как посуху
Спешил к себе домой.
Шёл по воде разглаженной –
Ни мёртвый, ни живой.
А птицы стаей слаженной
Вились над головой.
В дверь постучал упроченной
Клюкою неземной,
Но окна – заколочены,
И дом теперь – не мой.
Вокруг селенья прежние –
И свет, и темнота...
Слова забыты вешние,
И в сердце – немота.

ОСТАВАТЬСЯ ЖИВЫМ

*Александру Кацуре –
поэту и философу*

Как мне жить, если я неумело
Призываю всю память любви,
Чтобы дня бестелесное тело
Пребывало подольше в крови?
День придёт и уйдёт по закону
Для безбрежья космических тел,
Ускользнёт по закатному склону,
Даже если б остаться хотел.
Изменить невозможно порядка,
Порождённого духом святым...
Нужно жизнь отдавать без остатка,
Чтоб всегда оставаться живым!

СОЛЬ ЗЕМЛИ

*Петру Чекалову,
профессору*

Пусть и распри – разной масти,
Я бегу от них, бегу,
Чтоб узнать иные страсти
На некошеном лугу.
Своевольно, безмятежно
Опрокинусь я в траву,
Не страдая мыслью грешной,
Вновь отправлюсь в синеву.
Там, границ не зная смерти,
Помня древние века,
По живой небесной тверди
Проплывают облака.
А едва себя набросит
Ночь на всю земную ширь,
Загорятся в небе росы,
Оживят собой пустырь,
Дом, дорогу, храм и речку –
Те, что выжить помогли...
И прозрачней станет вечность,
И понятней соль земли.

КУЛЬТ СОЛНЦА

СОЛНЦЕ

Вот и солнце взошло,
И привычно сумело:
Посылая тепло,
Всё живое согрело.
Вот она – благодать –
И открыто, и смело
Жизнь свою отдавать
На достойное дело.

ОЖИДАНИЕ ГРОЗЫ

Люблю грозу в начале мая...

Ф. Тютчев

Вторая тянется декада мая.
За небесами пристально следя,
Я вижу – эта храмина немая
Не ждёт пришествия дождя.
А без дождя играет время прозы...
Пусть поскитавшись по углам,
К нам прилетают поскорее грозы,
Чтоб прокричать: – Греметь громам!

НОВЫЙ ГОД

Одинокством скрытым влеком
в суете наступившего года
Из застолья ушёл я тайком
и прикрыл за собою ворота.
Ослеплённые солнцем снега
округлили весь берег покатый
Рядом с полем, где мёрзнут стога –
словно наспех белёные хаты.
И глаза не устали пока,
вижу я, как под солнцем блистая,
К горизонту плывут облака –
белых птиц невеликая стая.
Отдыхает безгрешный простор,
преисполненный нового смысла:
Разгорается солнца костёр,
нарождаются светлые мысли.

ЗВЁЗДНЫЙ ОКОЁМ

Если мы идём с тобою, и порою смотрим вверх, —
Видим небо голубое, и оно — прекрасней всех.
Облака случайной формы, оттеняя цвет небес,
К югу движутся покорно, тени складывая в лес...
Среднерусская равнина, заревая полоса.
Тишину её ревниво птичьи делят голоса
До явления заката и прихода темноты,
Когда солнце виновато трон оставит высоты.
Если ж ночью я — с тобою, соглашаемся вдвоём:
Краше неба голубого — только звёздный окоём.

РОДИНА

*Я буду скакать по холмам
задремавшей Отчизны...*

Н. Рубцов

Как прежде кому-то в эпоху сомненья
Приснились под утро живые виденья:
По полю заката летит колесница,
На запад куда-то. Легко ей летится.
И гривы струятся, и звон раздаётся,
Так лошади мчатся в огромное солнце.
Летит колесница по небу заката –
Гигантская птица летит бесновато.
Природные силы её окрыляют,
Величье России они укрепляют.
Сомненье сминают в процессе движенья,
А боли стихают, припомнив сраженья.
Летит колесница, и звон раздаётся...
Рассветная птица, закатное солнце.

ЖДУ ТЕПЛА

Незамутненность бытия
Пришла из позднего начала,
Когда жива была семья,
И нежность лёгкая витала.
Потом семья моя ушла,
И, это ясно понимая,
Я жду июньского тепла
В начальных числах мая.
И знаю, женское тепло
Ничем другим незаменимо...
Вот солнце новое взошло,
Но греет, чую, мнимо.

РАННЕЕ УТРО

Вышел рано, солнце – ясно,
Светит справно – не опасно.
Мысли – кротки и живучи,
Роем строчки, все – певучи.

Боли нет, и всё – прекрасно:
Слава свету! – не напрасно.
Память ночи улетает...
Между строчек время тает.

ВСЁ – ЗНАКОМО

Писателю Александру Глазунову

Ничего в мире нового нет:
Те же небо и звёздная пыль,
Наступает привычно рассвет –
И колышется пыльный ковыль.
Также солнце роняет лучи,
Пробуждается заспанный бор,
И журчат беззаботно ключи,
Бесконечный ведут разговор.
Те же – солнце, и небо, и лес.
Почему же в сумятице дня
Не теряется к ним интерес,
Возвращающий смысл для меня?
Потому что есть память и боль,
До сих пор не погасли огни,
Вот и сердце неволит: изволь
Не хулить Богом данные дни.

ОЖИДАНИЕ

Нынче выйду на дорогу,
Радужный увижу мост,
Где вчера искал берлогу
Для заблудших звёзд,
Не нашёл, но приметил
Неизвестный путь,
По которому со света
Можно ускользнуть,
Сон не потревожив,
Не спросив огня,
Просто растреножив
Верного коня.
Пусть пока пасётся,
Время не пришло...
Ржанье раздаётся,
Солнце жжёт чело.

ГЛУХОМАНЬ

Сквозь невзрачное оконце
Скромной хижины моей
Дарит свет немое солнце,
Пробиваясь меж ветвей.
И нисходит озаренье
На забытое жильё,
Потому что окруженье –
Ветер, птицы и зверьё.

ПРОЩАНИЕ

Заката смыты огненные краски,
Дождёмся утра с гнётом ветра,
Для жизни новой – не опасным,
Поскольку ветер – часть рассвета.
А если это свежий ветер мая,
И солнце – цвета крови алой,
Уйду под парусом, не вспоминая,
Как наше чувство умирало.

ЗАКАТ

Похоже закатное солнце
На чашу с янтарным вином.
И скоро оно разольётся,
Окрасит хмельно окоём.
И запах дурмящий ночи,
И воздуха приторный вкус
Очнутся полней и короче —
Раздвинут границы искусств.

БАБЬЕ ЛЕТО

Осень щедро расходует краски,
Украшает обманно листву,
Чтоб слетала она без опаски,
И глядела с земли в синеву.
Бабье лето уже на подходе,
Собирает под солнцем тепло,
Чтобы вскоре при полном народе
Её светлое время пришло.

НА КРАЮ БЕЗДНЫ

Календарным верю числам,
Приглашаю солнце в дом,
Наполняю будни смыслом –
Поэтическим трудом.
Как могу, слагаю песни,
В одиночестве творю –
Словно снова интересна
Жизнь у бездны на краю.

ОТКРЫТИЕ

Что ж ты радуешься, глупый?
День, как день – тепло, светло,
Не тревожат грубо слуха
Скрипы веток о стекло.
Свет дневной ласкает зренье,
Солнце светит, не слепит,
А возможное прозренье
Чувство праздника таит.

ТРЕВОЖНЫЙ РАССВЕТ

Тревожное небо. Багровый закат.
Плывёт облаков чёрно-белый отряд.
А след самолёта – дымящийся шрам.
Но там, на востоке, рождается свет,
И солнце вернётся. И грянет рассвет!
Мой путь освящая –
И в дом,
И в намоленный храм.

ПАМЯТЬ ОЖИВЁТ

Поэту Эдуарду Балашову

И сон придёт, лишь уплотнится мгла.
Но всё минувшее – очнётся,
Взойдёт припрятанное солнце,
Чтоб снова память ожила.
И станет ясно – нет небытия,
Есть взлёт и скрытые паденья.
Рождение и смерть – события,
Тебе понятен смысл их повторенья.

ТАЁЖНЫЙ СЕВЕР

Тайно дремлет таёжная память,
Утонули в снегах дерева.
Если сердце людское – не камень,
Чутко точные чует слова.
Этот край и весёлый, и жуткий,
Бесконечен суровый простор,
Здесь, испытанный на прибаутках,
Лаконичен прямой разговор.
И в снега опускается солнце,
А ветра делят суровый набег...
На стекле мы продышим оконце
И устраивать будем ночлег.
Раскалится чугунная печка,
И твои загорятся глаза,
Приютив тайно блики от свечки,
Согревая в ночи образа.

РОДСТВО

Солнце – выше и выше.
И лучи – горячей.
Раскаляются крыши,
Но прохладен ручей
Родникового рода,
Той, лесной красоты,
Где являет природа
Эталон чистоты.

Если мыслю и стражду,
Сотворяя строку, –
Утоляю вновь жажду
Не спеша, по глотку,
Чтоб не зная сомненья,
Породниться могли
Наши сердцебиенья –
Моё, и – земли.

ОТГОНЯЯ ПРИЗРАК

Снова облачность сплошная
Скрыла звёзды и луну.
Я, сценарий сна не зная,
Обживаю тишину.
И, вдыхая терпкий воздух
Сосен, елей и воды,
Понимаю поздний отдых,
Словно отдых от беды.
И, предвиденьем владея,
Я грядущий сон гоню,
И творю простое дело –
Предаю его огню.
И в костёр бросая ветви
Солнцем выжженной сосны,
Отгоняю призрак смерти,
Скрытый в дебрях тишины.

ХЛЕБ

Наше время летит безвозвратно –
Не меняется облик небес.
В этот мир не вернёмся обратно,
Даже к небу явив интерес,
И к подробностям нового быта,
К окружению новых людей.
Будет прошлое прочно забыто –
Растворится без лишних затей.
Но останутся солнце и небо –
Всё, что видим сегодня с земли,
Помня запах домашнего хлеба –
С чем когда-то себя обрели.

РОДИНА ДЕТСТВА

Свечу зажгу в ближайшем далеке,
Подробно изучу его детали я.
Спешу сюда добраться налегке –
А Подмосковье – это не Анталия.
Бегу, бегу, а сил – невпроворот,
Хотя и сердце временем изранено,
Но вижу облаков прекрасный флот
И солнце в небе – лика раннего.

ОБОСТРЁННЫЙ СЛУХ

Ещё лежат глубокие снега
И реки серым льдом покрыты,
Укутанные снегом берега
Зверьём лесным изрыты.
Стоят безмолвными леса —
Они свою листву забыли,
Но помнят птичьи голоса
И ветром собранные были.
Но только солнце припечёт,
Покажется: снега просели,
Вот-вот пробьётся ручеёк,
Повеет воздухом весенним.
И воспарит высокий дух,
Очнётся ото сна природа,
И снова обострится слух
У прихворнувшего народа.

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

Вот весенние ветры.
Они могут помочь,
Одолев километры,
Отогреть эту ночь.
А быть может иное
Учинит ветровье –
Оживит ледяное
Сердечко твоё?
И возможно, удастся
Им на трудном пути
Дать садам оклематься
И затем – расцвести.
Может новые силы
Ветер вновь наберёт –
Отогреет в России
Озябший народ.

ЖИЗНЬ – ПОДАРОК

Летний сон ночного сада.
Птиц не слышно. Ветер смолк.
Никуда спешить не надо
И покой принять, как долг,
Чтобы в прошлом разобраться,
Посмотреть в грядущий день,
До причины докопаться,
Почему мне жить – не лень.
Почему мне нужно очень
Встретить праздничный рассвет,
Когда солнце вновь захочет
Возвратить на землю свет?
Почему мне спозаранку
В радость по воду идти,
Рассмотреть листа изнанку,
Встретив рощу на пути?
Потому что жизнь – подарок:
Бог-то видит, что – к чему,
И всегда вручает даром
Жизнь – конкретно – каждому.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ПРАВДА ИГРЫ

БЕРЕГ БОЛИ

В таинстве ночи
При натиске боли –
Вновь непорочны
Волны прибоя.
Мысль о побеге
В небо ли, в море? –
Брошенный берег
Вспомнится вскоре.

ДОЛГОТЕРПЕНЬЕ

Вновь душе в своей неволе
Быть – невмоготу,
Потому стремится в поле –
Скрасить немоту.
Ей воды не нужно, хлеба –
Разорвать бы клеть,
Улететь неслышно в небо,
Смерть перетерпеть.

В НОЧНОМ

Поэту Наталье Чистяковой

Посмотреть, как лошади
плавают в тумане,
В ночь я с шумной площади
ухожу заране.
Над туманом – звонница,
а мой дом – не виден,
Там жилия горница
не таит обиды...
Разговор затеплится,
а за долгим чаем
Ранний холод стерпится,
да и снег – случаен...
Если вновь звезду ищу
перед первым снегом,
Я живу связующим
меж землёй и небом.

КРЫЛАТАЯ ВОЛЯ

Тревожная память усталого дня:
Закатное пламя – остаток огня,
Согревшего небо, поля и леса,
Где снам на потребу живут голоса
Невидимой стаи неведомых птиц...
Крылатая воля не знает границ.

ТАЮЩЕЕ НЕБО

Затихает гомон птичий
В праздничном лесу,
Подступает сон практичный
С мыслью на весу.
Ах, теперь очнуться мне бы,
Записать ту мысль в тетрадь,
Чтобы тающее небо
Утром смог я воссоздать.

ГОЛОСА ЛЕСА

Хмарью небо обложило,
Сеет дождь – едва-едва,
Охраняет лес наживу –
Птичьи звонкие слова.
Я торю тропу без страха,
Лишь волнение храня...
Домотканая рубаха
Греет душу без огня.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Пусть прилетает ветер с моря
На покорённый перевал,
Где чистым воздухом нагорья
Я душу небом врачевал.
Где, пережив озноб атаки,
Казалось, поступил хитро –
Случайно подобрал во мраке
Старинное гусиное перо.

БЫЛИ-НЕБЫЛИЦЫ

Угадаю на завтра погоду,
А, возможно, её закажу –
Своему настроенью в угоду,
Потому снова в небо гляжу.
А цвета бесконечного неба
Мне знакомы по прежним ночам,
Там рождались и были, и небыль –
Разбежались затем по углам.

ДАЛЬНЯЯ ГРОЗА

Гром погромыхивает где-то вдалеке,
И вспышки молний множатся в реке
Всё реже, реже. И – совсем пропали.
А токи влажные с земли восстали,
И кружат голову и сладко, и легко,
Уносят мысли в небо – высоко,
Где птицы оглашают высоту,
Мою одолевают немоту.

ВЕЧЕР ПОКОЯ

Этот вечер продлился покоем.
Ветра нет. И молчат деревья
Утомлённая поздней строкою,
Не колышется клёна листва.
Но ветрами распахано небо,
Где качается месяц ничей,
И живёт – всем живым на потребу –
Просветлённый землёю ручей.

ВЫСОКОЕ НЕБО

1

Высокое небо, очнувшись от сна,
Дарует тепло – от светлá до темна,
Роняя на землю от облака
лёгкую тень.
А крест, хоть тяжёл, я обязан нести,
Коль взялся из строчек поэму сплести, –
Как ладят корзину и ставят
умело плетень.

2

А путь мой к закату стремится уже,
И труд – не заметен, вершится в душе.
И, вроде бы, толку в нём мало –
ни хлеб, ни зерно.
Но строки родятся, и, значит, есть прок:
Кому-то – надежда, кому-то – в урок,
Но, главное, всё-таки – свет,
если в мире темно...

РАЗГОВОР С НЕБОМ

1

Шум дождя, смешавшись с шумом
Молодой листвы в бору,
Не мешает в час раздумий –
Ночью ранней ли, к утру.
Я приветствую ненастье,
Даже скрывшее зарю,
Но принявшее участие,
Если с небом говорю.

2

Восходит новая звезда,
Пройдя заслон туманный.
А я живу, пришелец странный,
Ещё пою в свои года.
А если мир порой не мил, –
Скажи, кому какое дело,
Что я немало трачу сил
На то, чтоб небо пело?

ПО ЗАКОНУ ОГНЯ

В небо вспорхнувшие искры,
Таинство тьмы осветив,
Дарят вновь время для мысли,
Той, чей полночный мотив
Помнит о шёпоте в шуме
Тёплого майского дня,
Где меня Бог надоумил
Жить по закону огня.

КОНЦЕРТ РИХТЕРА

Дождался я праздника ночи,
Развеял чужую вину,
И в ауре той непорочной,
настроясь на птичью волну,
вдруг понял и ясно, и строго:
Я с небом – один на один,
Я слушаю звуки от бога
И в этом я с Богом – един.

СЛУШАЮ НЕБО

И всё, что знал и знаю, останется при мне:
Простора даль сквозная и звёзды в тишине,
И праздники, и мука, молчание и речь,
И долгая разлука, и миг короткий встреч...
Конечно, не исчезнут, не канут в никуда –
Не могут бесполезно исчезнуть все года.
Не может трудный опыт растаять в тишине...
Небесный слышен шёпот – он помогает мне.

ПО ПРИМЕРУ АТЛАНТОВ

Начиналось тихо утро,
Обещало ясный день,
И мою терпело мудро
Целомудренную лень.
А невольная свобода
Мне досталась для того,
Чтобы купол небосвода
На плечах держать легко.

ПАМЯТИ МАРИНЫ

...Я хочу из этого тела – вон
Марина Цветаева

1

Вечерний час медлителен и скромн –
И ветра нет, и нет следов дождя,
Три облака в скучающей истоме
Меняют лик небес, на запад уходя.
Они плывут, подкрашенные снизу
Закатной краской позднего огня,
И кажется – по скальному карнизу
Струится свет, величие храня.

2

И в этот час молчания природы
Туманная нисходит полоса,
И чувство безысходное свободы
В наследство оставляют небеса.
И принимая этот дар покорно,
Вдруг понимаешь: я и есть – беда.
А небо вечности всегда просторно,
Я там хочу остаться навсегда.

ГРОЗА НАД МОСКВОЮ-РЕКОЮ

Гуляют грозы над Москвой-рекою.
Бурлит вода под струями дождя.
А молния горящею клюкою
Кромсает небо, в землю уходя.

Июльская бесчинствует стихия.
И на неё управы нет и нет.
Грома, как всадники лихие
Из тех далёких и забытых лет...

ТЕНЬ БЕЖИТ

Тень бежит по верхушкам деревьев.
Нынче – ведро, и очень тепло.
Проявляется время доверья,
Когда время моё – истекло.
Я уйду без истерик и жалоб
Но в разгаре большого труда...
Если с небом природа сближала,
То душа устремится туда.

ЯСНО

Сегодня вернётся забытая грусть –
И снова приветим февральскую вьюгу.
Возможно, вернёмся к началам искусств,
И нужное слово припомним с испугу.
Пусть снежные стрелы исколют лицо,
Разбудят они задремавшую душу,
А белые ветры свернутся в кольцо,
И выдохнут память снегами наружу.
Укроются в той карусели огни,
И к дому дорога исчезнет опасно.
Но звёзды возникнут, напомнят они,
Что льётся их свет – не напрасно.
Тогда непогоде наступит конец,
Метельное небо легко прояснится:
Спадёт пелена с омрачённых сердец,
И сон подоспеет, и лето приснится.

ПОЛЁТ

Звон счастливый колокольца
Потревожил сон полей –
Кольца радужные солнца
Свет роняют веселей.
Снегом хвастает равнина,
Снегу сдавшаяся в плен.
С небом праздничным сравнима
В дни погожих перемен...
Путь – ни близкий, ни далёкий,
Снег летит из-под копыт.
Ощущение полёта –
Смысл, который не забыт...
Заметается порошей
От саней послушных след,
Завершая день погожий,
Укрепивший в сердце свет.

ТРЕВОЖНОЕ СЛОВО

О Боже, как шумно,
как шустро они налетели –
Декабрьской природы,
немереной силы метели.
И чёрные ночи
разбавили снежною краской,
Всё небо закрыли,
где звёзды мерцали прекрасно.
Тревожное слово
в бессонную душу вложили,
Где новые строки
друг с другом примерно дружили,
Но, видно, нельзя
с этим миром жить в мире,
Как в очень большой
коммунальной квартире.
И лишь остаётся
набраться большого терпенья –
И ждать, и любить, и терпеть
как большие деревья.

ЗНОЙ

*Памяти Валерия Шашина,
основателя Библиотеки
профессиональных писателей*

Волнуется зарево зноя,
И можно увидеть вдали,
Как небо коварно-земное
Качает дома-корабли.
Размыта и мысль горизонта,
Но сам горизонт удержал
Пейзажа привычного контур
На месте, где сам возлежал.
А в знойном воздушном потоке
На празднике летнем, цветном
Рисует себя на востоке
Закат, похваляясь крылом.
Но в этом явлении света
Неловкость какая-то есть –
Жестокость ли жаркого лета,
Горелого воздуха спесь.
Какая-то есть несуразность
В чрезмерной атаке жары...
Возможно, последняя праздность,
Смертельная правда игры.

СОЗЕРЦАНИЕ

Никогда не случайны
Ни рожденье, ни смерть.
Я пришёл изначально,
Чтобы мир посмотреть.
И моё послушанье –
Только ранней весне:
Потому созерцанье
Не сгорает в огне.
Обостряется зренье,
Длится время реки,
Приносящей прозренье
В виде новой строки.

ЛЮБОВЬЮ ПРОПИТАНЫ СТРОКИ

МОЛИТВА

Полночные ливни
обильно и шумно упали,
В усталой душе
пробудили начала печали.
Но сердце не сбилось
с привычного, чёткого ритма –
Его подкрепляет
понятная сердцу молитва:
Испытана верой,
любовью пропитана мудро –
Дарует надежду
на чистое, ясное утро.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

1

Нагие колышутся ветви деревьев морозных,
И снег наметает отряды сугробов бесхозных.
И тени густые ложатся, и свет проливается лунный,
И ветер стучится в стекло, и звук порождает
латунный.

И новые страхи приходят с рождением страсти –
Явить этот свет, эти звуки, хотя бы отчасти,
На белом листе, зачинив белоснежные перья,
Чтоб снова услышать далёкое девичье пенье,
Чтоб вспомнился образ, когда-то увиденный мною,
Желанной, цветущей, поющей, коварной весною.

2

То, что было – помню: пело.
Понемногу отлегло –
В топке снов перегорело,
А зола – уже не зло.
То, что было, – промелькнуло,
Но поранилась душа
Не осколком и не пулей,
И не лезвием ножа,
А уходом молчаливым –
Ни упрёка, ни обид...
Снег кружился над заливом,
Воцарялся зимний вид.

ТАЙНА НОЧИ

Ночь – мучительница-дева.
Мы с тобой – опять наедине.
Что ж с тобой смогу поделаться,
Если не даёшь покоя мне?
Если вновь пленительны и тонки
Очертанья нежные твои,
Звуки – удивительной настройки, –
На вселенский ток любви,
На необходимость строить строки
Под грядой летящих облаков,
Улетающих на север строго
Под приглядом утренних богов.
На потребность яркого накала –
Чудо сотворять из ничего,
Начиная каждый раз сначала,
Призывая боль и мастерство...
Ночь – красавица и лгунья,
Счастья – нет, как обещала ты.
Нет любви. Но где-то есть певунья –
Потаённой, нежной красоты...
Тайна – есть,
Пленительна и вечна.
Вот она и заставляет вновь
Ждать тебя и пылко, и беспечно,
И дарить последнюю любовь.

ЯВЛЕНИЕ ВНУКА

Илюше

Я выберу ни лето, ни весну,
А день поры морозной,
Поднявшей жаркую волну
В моей душе острожной.
И мрачных мыслей череда
Исчезнет с мыслью нежной,
И не останется следа
В туманной дымке снежной.
И дней сокрытых имена
Возникнут без изъятий,
Исчезнет прошлого стена –
Из кирпичей-проклятий.
И зов таинственный вдали
Легко родит природа,
И он поднимется с земли
Под полог небосвода.
И я услышу этот звук,
Продляя жизнь – без меры,
Не помня горечи разлук,
Храня любовь и веру.
Теперь-то зная наперёд,
Что яркий свет продлится,
И будет долго длить полёт,
Гнездо покинув, птица.

ПО РУБЕЖУ

Итоги жизни – нет –
не подвожу,
Иным порабощён занятём:
Я каждый день иду по рубежу
Между любовью и проклятьем.
Между водицей ключевой
И затхлой влагою болота...
И в этой жизни кочевой
Ещё живу.
И жить – охота.

УШЛА ЗАРЯ

Однополчанам

Как быстро время пролетело,
Оно потрачено не зря...
Как быстро небо потемнело,
Ушла короткая заря.
Мои попутчики – всё дальше.
В одном мне точно повезло:
Бойцы не струсили на марше,
И памяти от них – тепло.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Воздушные замки витали по ясному небу,
Внизу простирался прозрачный и тихий залив.
И ночью безмолвной, желанью её на потребу,
Прилив народился, всё небо собой заслонив.
А сон испарился, рождались тревожные мысли,
И волны стирали небыстрые наши следы.
Тогда же легко на прогулку привычную вышли –
На нас посмотреть – две бессонных звезды.
А ветер гулял по просторам земным и небесным,
Там – звёздным, а здесь – осязаемым, земным.
И было до боли душевной узнать интересно:
Растает ли поздней влюблённости дым?

УХОД ЛЮБВИ

*О, если б знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

Здесь ночной порою слышен
Дождь трухи из-под стрехи –
Не подвал обжили мыши,
А чердачные верхи
В богом брошенной глуши,
Где пристрастный голос страсти
Рвёт судьбу мою на части,
Оголя строй души.
Честно борется с причудой –
С тайным вирусом в крови,
Вызывающим не чудо,
Не любовь, – уход любви.

ПАМЯТЬ

Поэту Эдуарду Балашову

То, что утром мне приснилось,
Может быть, забуду к ночи.
Это царственная милость –
Забывать о лишнем прочем.
Память – штука не простая,
С ней порою плохи шутки.
Так, стихи свои верстая,
Вспоминаешь... прибаутки.
Вспоминать же лучше друга –
Он живой поэт, хороший,
Зацепила сердце вьюга, –
Прихорошила пороша.
Остаётся нынче лично,
Наклоняясь над тетрадкой,
Делать дело не логично –
Слёзы смахивать украдкой.

ОСЕННЯЯ ГРОЗА

Ольге Грозной

1

Чистый воздух послегрозья.
Сохнет пёстрая листва
И рябины – той, чьи гроздья
Горечь вправили в слова.
Для короткого признанья:
Польза есть от немоты,
Сохраняющей призыванья
Обретённые черты.

2

Я оправданий не ищу
Своим признаньям поздним
И над рябиною грущу,
Её считаю грозди.
И в сладкой горечи рябин
Ловлю истоки грусти...
От этих поисков знобит,
Как от вершин искусства.

ЭТЮД

*Памяти поэта и художника
Ильи Клейнера*

Вечерние звуки чисты,
Вечерние краски просты.
Господствуют поздний закат
И трели бессонных цикад.
А чёрная прорва воды
Хранит отраженье звезды.
Останки перил от моста
Торчат на подобье креста
На фоне высоких стволов
Под сводом живых облаков...
И – вспышкой – зарницы сестра –
Летящая ветка костра.

ПОЗДНИЙ ЧАС

И легко под светом лунным
Тени длинные легли,
Стихли праздничные струны,
Затаился дух земли.
И не слышно крика, стона
Из давно забытых лет –
Я в открытый ковш ладоней
Собираю тихий свет,
Свет луны из тех столетий,
Где бывал в тревожном сне
В поздний час порою летней
При игрушечной луне...
Перепутались столетья.
Кто я? Где? – не разберу:
Так похожи ночи, ветер,
Тени длинные в бору.

ОТРАЖЕНИЕ

*Виктору Пронину, автору книги
«Кинжал для левой руки»*

И наконец-то старый век низложен,
Век новый наступил – легко и зло...
А я кинжал не вынимал из ножен,
И потому мне в жизни повезло.
Все передряги, все перипетии,
Что душу волновали днём,
Заранее легко предвосхитили
Моё спасение, упрятанное в нём,
В огне: и в пламени заката,
И на рассвете – в холоде воды,
В которой сохранилось виновато
Живое отражение звезды.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СЛОВА

*Поэту и издателю
Вадиму Рахманову*

Последние грешные ливни
Поспешно и шумно упали.
И ветры ночные утихли,
Минуты затишья настали.
Отжившие пёстрые листья
Легли на остывшую землю.
Спокойно, и тихо, и чисто –
Я голосу дальнему внемлю.
Сегодня увидеть нелишне:
Большие снега – на подлёте.
А это глухое затишье –
Прелюдия к новой работе.
Приняв эту мысль, как обнову,
Грядущее можно провести
И дать первозданному слову
Безгрешного снега ответить.

ОБЛАКА

Поэту Павлу Косякову

Счастливой мысли следуя далёкой,
Иду своей, не чьей-нибудь, дорогой.
А надо мною – облака грядой,
Обременённые своей судьбой.
Идут неудержимо – мимо, мимо,
Туда, где ново всё, неповторимо,
На дальний свет зарницы грозовой,
На ближний дым и ветер низовой.
Идут, души моей не потревожив, –
Им безразлично всё, чем жил, что прожил.
И от меня не ждут они участия –
Счастливые, они не знают счастья.

НОЧНОЙ КОСТЁР

Павлу Лукичу

Безмолвие полночное тревожа,
горит костёр, смягчая мглу,
Устало веки невзначай сомкну
и прошепчу неслышно: Боже!
Спасибо за земную благодать,
за тишину, пронзающую душу,
За жизнь огня и право понимать
слова, летящие наружу –
Из глубины немых небес,
из облаков – живым потоком –
На берег и бессонный лес,
родным представший домом.

ВОЛЯ НЕБЕС

Поэту Юрию Куксову

И скоро тумана завеса
Теплом напитала весну –
Очнулись вдруг запахи леса,
Не тронув собой тишину.
И горечь от лопнувших почек
Я смог ощутить наяву,
Пока собиралась из строчек
Строфа, восхваляя листву.

Атака зелёного шквала
Предельно была хороша –
Все краски былого смешала,
И вновь народилась душа.
Так чистая мысль обновленья
Пронзила и душу, и лес
Согласно поре возрожденья,
Даруемой волей небес.

ДОМ

Поэту Анатолию Пшеничному

Живу в окруженье чудес
И слушаю чутко и строго –
По воле высоких небес
Земные рождаются строки.
Явлением этим влеком,
Жилья раздвигаю границы,
Вместительным делаю дом –
Для бабочек, зверя и птицы.
Зимой или солнечным летом
Я шлю приглашенье друзьям.
В когорте поющих поэтов
Без них оставаться нельзя.

НАЧАЛО

Поэту Евгению Юшину

День, угасая, видит: строгá,
Муза босая уходит в луга.
Смятые травы от самых корней –
След от потравы вольных коней.
Тайные гнёзда, и птиц голоса,
Первые звёзды, луны полоса,
Сладкою болью свободно дыша,
Кланяюсь полю – родилась душа.

МЕЧТА

Писателю Леониду Сергееву

Испрошу у тишины совета,
Заберу у прошлого права –
Напишу рассказ, где до рассвета
Ночь шептала верные слова.
И душа, преодолев сомненья,
Отрешится от неясных снов,
Соберёт крупичицы вдохновенья
И освободится от оков –
Суеты, обмана, мельтешенья
Неурядиц, праздников, – всего,
Что мешает таинству общенья
Сил – небесных, сердца – моего.

ЧУДО

Писателю Владимиру Личутину

Ниспослан, не скован, активен
Невидимый знак ниоткуда.
Не ясно, насколько красив он,
Страшны ему боль и остуда?
В своём устремленье наивен –
Иль действие явлено мудро?
Он снег, или праздничный ливень,
Упавший разбуженным утром?
Не знаю, и знак мне неведом,
Но утро – прекрасно и влажно,
И я в мир иной не уеду,
И мне это кажется важным.
Здесь можно полночные строки,
Пришедшие вновь ниоткуда,
Принять как уступку пороку –
Умению чувствовать чудо:
Ловить в бесконечном просторе
Бесшумно летящие звуки,
Признав их началом историй,
С которыми были в разлуке.

ОТВЕТ

Надежде Ступиной

Не пойду на поводу
Праздного совета,
А отправлюсь по воду
К логову рассвета.
Зачерпну ковшом воды
Из бессонной теми, –
Проглочу упрёк беды,
Обуздаю время.
И пробьётся робко свет
Из высокой дали,
И отыщется ответ
На вопрос печали.

ПРОЩАНИЕ ЛИСТВЫ

Доктору Татьяне Куликовой

Из тишины аллей в прозрачный сад
Вошёл, как приходил сюда вчера –
Погожей осени похожи вечера,
Где звёзды падают, не ведая преград...
Небесной лёгкости дыхание пришло,
И сердце новой нежностью ожгло,
И помыслы о будущем – чисты,
И сад роняет чистые листы.

НЕ ЗНАЯ ЧУВСТВА МЕСТИ

Григорию Ерёменко

Шуршат зыбучие пески,
Свои разносят вести –
Они не ведают тоски,
Не знают чувства мести.
Ни ручейка здесь, ни реки.
Лет триста или двести
Не шелестели здесь шаги
И не звучали песни.
Порою проскользнёт змея,
Песков сыпучих толчая
Ей оказалась впору.
Здесь ни дороги, ни тропы,
Любой бархан – дорога,
И не бывает здесь толпы,
И живности – немного...
Бредя сквозь мёртвые пески,
Припомни, честь по чести,
Глухие приступы тоски,
Слепую жажду мести,
С которыми когда-то жил,
Подспудно ненавидя
Того, кто как-то оскорбил,
Иль чем другим обидел.

Обида – вечная беда! –
Известно очень многим,
Она исчезнет без следа,
Уйдёт путём убогим.
Когда ты к тайне бытия
Приблужишься немного –
Поймёшь: всегда есть Судия,
И поклонись Богу.

БОЛЬ

Военным хирургам

Под крышей медсанбата
Витает долго боль
Безногого солдата
Со стрижкою под ноль.
И здесь же у порога
На стёршемся крыльце –
Хирург с глазами Бога
Без крови на лице.

ФРОНТОВАЯ РАЗВЕДКА

*Олегу Алёхину,
воину и воспитателю детей*

Сороковая шла весна.
Во сне смеялись черти
И разрывали тело сна
Угрозой близкой смерти.
И в эти мрачные часы
Ночного наважденья
Качнулись вечности весы
От сна до пробужденья.
И нить сознания – тонка,
И всё ж по этой нити
Я поднимался в облака –
К Архангелу и свите.
Он осязаемой рукой
Руки моей коснулся,
И я почувствовал покой,
И на земле очнулся.
Тогда увидел среди туч
Осколок чистый неба,
Откуда пробивался луч,
Овеществляя небыль.
А утром – пуля не брала,
Осколки мины – мимо...
Не зря же помощь подошла,
Когда была необходима.

1980, 2010 гг.

ЗОВ МОРЯ

*Памяти Владимира Черткова,
Заслуженного полярника СССР*

Колышется марево зноя,
Как прежде, – у кромки воды,
Где лёгкой волною сквозною
Стираются чьи-то следы.
И эти приливы-отливы,
Играя слепящим лучом,
Не ищут случайной наживы –
Её не сыскать нипочём.
Глаза заслоняя от света,
Полёт гордых чаек слежу,
Живу в ожиданье совета,
В минувшее вновь ухожу,
Где долго молчал в диалоге
С попутчицей юной моей,
И там, на родимом пороге,
Призывы расслышал морей...
Желанья – грешны и бездумны,
В былое спеша сквозь года,
Поверил, что жить нужно трудно –
Не нужно любить никогда!

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЕСА

Илье Егорычеву

Вдоль канала стоят молчаливо
В разноцветном убранстве леса,
Наблюдают приливы-отливы,
Ранних птиц позабыв голоса.
Как прекрасна пора увяданья
В заповедной, непраздной тиши!
Я хочу, чтобы память прощанья
В закромах притаилась души.
Эту память ничем не нарушу,
Потому что лесов красота
Вырывается светом наружу,
И листвы рассыпает цвета.
И, смешавшись с палитрой заката,
Дарят миру вселенский покой,
С ним готов улететь я куда-то,
Породниться с небесной рекой.

СВОЙ ПУТЬ

*Художнику и писателю
Сергею Луконину*

Весть вернуться сумела –
Прилетела сюда,
Где вновь скрипка запела,
Ей подпела звезда.
Как и в прежние ночи,
Где рассвет, как испуг.
Он теперь, между прочим,
Закадычный мой друг...
Обострится зренье,
Обращаясь вовнутрь,
Порождает смятенье,
Порождает свой путь.
Возрождается право
Утишать чью-то боль,
Отстраняясь от славы,
От случайных неволь...
Скрипкой сыграно скерцо,
Закатилась звезда –
Чую шрамы на сердце
Я теперь без труда.

В СЕРДЦЕ – СВЕТ

*Памяти доктора
Елены Тороповой*

Свет разлился по равнине,
Сколько видно, – далеко,
До берёзы на плотине,
Где мне дышится легко.
А оттуда – дальше, дальше
По сверкающей воде –
К исчезающей без фальши
Привечаемой звезде.
И обратно – по равнине,
Через рощу – на шоссе,
Где поспешно тает иней,
Оставляя свет в душе.

НЕБО

ПУТЬ-ДОРОГА

*Дорога – до Бога,
а с Богом – путь...*

Э. Балашов

Чисто вымыто оконце
В скромной хижине моей.
По утрам приходит солнце,
Выдворяет сны ночей.
А зима слывёт морозной,
И гостит порой пурга –
С очевидностью бесхозной
Мир засыпали снега.
Здесь, у старого порога
Жизни круг дано замкнуть –
Отыскать тропу до Бога,
Чтобы вместе с Богом – в путь.

ЛАВИНЫ СНЕГА

1

Лавины безгрешного снега,
Не помня былые века,
Летят из бескрайнего неба,
И полнится ими река,
Чьё имя короткое – Лета,
Куда в неизвестном году
С капризною славой поэта
И я непременно паду,
Оставив на небе звезду,
Что в жизни меня опекала
Внимательно – так как могла:
Со страстью небесной накала,
И к Богу меня привела.

2

Лавины тяжёлого снега
Летят и летят без конца
С высот омрачённого неба,
Где лик не увидеть Творца,
И голос его не услышать –
Шумит вековая листва.
Но листья, слетая на крышу,
Напомнят святыя слова.
А в наших заботах и мыслях,
В минуту сомненья – всегда
На ясность надеемся смысла,
Которым владеет звезда.
А всё, что познаем с порога, –
Старо или вовсе ново –
И есть проявление Бога,
Он сам, всё его существо.

ИЗБЫТОК СИЛ

Отдохновения приспело пониманье,
Ночной покой простёрся далеко,
И пролилось совсем не в назиданье
Большой луны густое молоко.
И этот свет упал, как откровенье,
И подарил такой избыток сил,
Что я, приняв его за вдохновенье,
У неба ничего не попросил.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Внезапный и бесшумный
Осенний снегопад,
В явлении бездумном
Не ведает преград.
Холодное круженье,
Грядёт зимы пора –
Продлённое сраженье
От ночи до утра.
И снег – такое средство,
Предзимья суета,
Бесмысленное действие,
И всё же – красота.

КОСТЁР

*Берег письменного стола.
Океан за ним – Тихий. Великий.*

И. Сельвинский

Горит костёр, отбрасывая блики
На окружившие огонь стволы
Деревьев, высотой невеликих,
Не знающих хулы или хвалы,
Но вставших плотною стеною,
Когда сама тревожная пора
Позволила играть седой волною –
Так пробудила гневные ветра.
И заметались огненные блики –
Дарил тепло своё костёр,
Не знающий, что Океан Великий
Свои владенья до небес простёр.

ДИЛЕММА

Ночной пейзаж привычно прост:
Высоких звезд извечное свечение.
А что волнует больше – море звезд
Или одной звезды паденье?
Раздвинулся ночной простор.
Горит огонь многоязыкий.
А что тревожит душу: сам костер
Или костром отброшенные блики?

ПОКОЙ

1

По-летнему вечер прозрачен и тёпел.
Морщины разгладив, поверхность пруда
Легко отразила берёзы и тополь –
Почти не затратив на это труда.
Казалось бы, время покоя настало –
Земля позабыла повадки ветров,
Закатное солнце неслышно пропало,
Как раньше бывало – в течение веков.
Конечно же, это и прежде бывало,
Затишье в округе случалось уже...
И всё же молчанья сердечного – мало,
Так нужен покой воспарившей душе.

2

Я в мае весёлом не маюсь
И утром легко поднимаюсь,
За новое дело берусь.
И то, что намечено ночью,
С утра воплощаю воочью,
Призвав всю привычную грусть.
И опыт, накопленный прежде,
Дарует, как раньше, надежду,
Что с прошлым расстаться смогу.
Но боли мои и потери,
Как хищные дикие звери,
Привычно в пути стерегут.

БЕСКОРЫСТИЕ

Илье Егорычеву

Эта дымка – морозный туман.
Снега нет, но он скоро случится,
Снеговой прилетит караван,
Непременно в окно постучится.
Этот снег – на бесснежье ответ.
Пусть подольше он чистым пребудет.
Народится рождественский свет,
Укрепит бескорыстие буден.

СВИРЕЛЬ

В минуты печали
Послышались трели,
Они прозвучали
По воле свирели.
Внимаю тем звукам,
Их смысл постигаю,
И легче к разлукам
Своим привыкаю.
И вновь привечаю –
Летят быстро годы...
А сердце смягчают
Лишь звуки природы.
Музыкой питаю,
Предчувствуя стужу,
Молитва святая
Врачует мне душу.

ГРАНИ

Как бы, где бы или с кем бы
Не делился чем бы я –
Веточкой ли нежной вербы,
Радостью ли бытия,–
Не имея тёмных мыслей,
Я на сердце камень не держу:
Дней моих обугленные числа
В грани чувств перевожу.

ПЕЙЗАЖ

Позёмка гуляет по полю
Походкой лёгкой и странной,
И хрупкой крупчаткою соли
Ложится на свежие раны
Души заплутавшей моей,
Уставшей от будущих распрей.

В мерцании дальних огней
Мне видится созданный наспех
Пейзаж из невидимых снов,
Где я, ещё глупый и юный,
Мелодию слышу снегов,
Летающие трогаю струны.

ХОРОВОД

Осенние туманны строки,
Их строй не выстрадан вполне.
Но ветер все обил пороги,
Готовя праздник на волне
Реки, текущей полноводно
Вдоль живописных берегов,
Вновь ожидающих невольно
Прилёта раннего снегов.
Да, осень выбрала все сроки –
Грядут большие холода,
Давать привычные уроки
Взойдёт полярная звезда.
Снега падут неслышно в воду,
Потом устроят хоровод,
Призвав декабрьскую погоду
Укрыть движенье вод.
Пролягут снежные дороги
Вдоль молчаливых берегов,
Волшебные родятся строки
По воле праведной богов –
Тревожная польётся песня...
И всем от ночи до утра
Услышать будет интересно,
Как вторят ей ветра.

ЖАТВА

А этот день был днём земного рая:
Ни туч, ни облаков, ни ветерка.
И буйство света, тени простирая,
Ладонь ласкает каждого листка.
Потоки, переполненные зноем,
Возносят жаворонка к небесам.
А песнь его – явленье неземное,
Созвучно приземлённым голосам...
Пока жнивье от скошенных хлебов
Ещё живёт закончившейся жатвой,
И снова травы в обществе цветов
Сознание моё дурманят. Жарко!
А ток воды почти неразличим,
Слепит глаза неукротимым светом.
И никаких нет видимых причин
Быть недовольным этим белым светом.
И вечер вновь на утренник похож:
Всё тот же зной, и те же краски лета,
Пронзает облака заката нож,
Чтоб не мешались в трудный час рассвета...
Последний луч, меж облаков скользя,
Верхушки сосен нежно освещает.
Вдруг понимаешь: умирать – нельзя!
И дальний гром об этом возвещает.

НЕЛЮБОВЬ

О.

1

Время – вышло.
И день показался короче,
Чем его календарный удел.
Знать, длиннее окажутся ночи,
Временной подарив передел.
Значит, будет возможностей больше –
Нелюбовь осознать и вернуть
То надёжное чувство, где горше
Невозможно исследовать путь
Возвращения к началу, к истокам,
Где заложена тайна измен:
Оголённый там провод – под током...
Ток ударит в момент перемен.

2

Кто подскажет – так ли, нет ли
Ставни бились на ветру
И скрипели жалко петли
В час случайный поутру?
Стены дома все промокли –
Лужи стынут на полу...
А едва завоют волки,
Страх объявится в углу.
Тишина бытует в доме
Без хозяйкиных затей,
И дождя, и ветра кроме
Не бывает здесь гостей.
Я забрёл сюда случайно –
Мысль случайно привела,
Оживляла память тайно.
А любовь – не ожила.

3

Был я верен всю жизнь этажу,
Размещённому в небе высоком,
А тебе ничего не скажу,
На упрёк не отвечу упрёком.
Незнакомой тропой уйду,
Опоённый нектаром свободы,
Не теряя из вида звезду
В незакрытом окне небосвода.
И, плывя поднебесной рекой,
Может, вспомню тебя ненароком:
Если боль обернулась строкой,
То живётся не так одиноко.

ВЬЮГА

Ночь прошла реальной былью –
С непогодой заодно:
Посыпала снежной пылью
Поля серое рядно.
Скоро ль вьюга отшумела –
Свет разлился по земле...
Не дано найти предела
Небу, скрытому во мне.

ПРИЧАЛ

Павлу Рагозинскому

Прихожу я в минуты печали
Не куда-нибудь, – только сюда,
Где безлюдно всегда на причале,
Где неслышно вздыхает вода.
И луна – она выглянет вскоре –
Отразится дорожкой в реке
И невольно, теченью покорен,
Закачается плот налегке.
Вот он тычется в берег песчаный,
Бесконечная песня воды
Все былые уносит печали
И смывает земные следы.

НЕБЕСА

Пусть ущербное сердцебиенье
Перебоем дыханью грозит,
Не снижая в ночи напряженье,
Обращается взор мой в зенит.
А бессмертья туманные сроки
Мне молчанье уже не сулят:
Небесами диктуются строки –
Небеса почивать не велят.

СПРЯТАННЫЕ МЫСЛИ

Эти струи слепого дождя,
Словно стропы под куполом неба –
По округе земной проходя,
Никому не приносят ущерба.
Так природа бывает добра,
В весенней своей круговерти,
Чтобы жизни продлялась игра,
Где упрятаны мысли о смерти.

ПРАВИЛЬНЫЙ РАССВЕТ

Солнце новое восходит,
Даль – светлит.
Боль сама себя находит,
До сих пор царит.
Никакой побочной мысли
Не было, и нет.
А рассвет спешит не лишней,
Правильный рассвет.
Набирает силу слово,
Солнышко встаёт,
И душа, возможно, снова
Скоро запоёт.

ВЫСОТА СТРОКИ

Длится, длится пора вдохновенья.
Сеет слово морозный декабрь.
Колокольной игрой повторенья
Будит души оглохший звонарь.
И несу я усталости бремя,
Сберегаю молчаньем гортань,
И прошу беспокойное время
Мне былую вернуть глухомань,
Где поля бесконечны, раздольны,
Первозданной слепят чистотой...
Льётся утренний звон с колокольни,
Наполняя строку высотой.

ПОСЛЕ ГОСПИТАЛЯ

Терпеливо я жду наступления ночи,
Не теряюсь в догадках – куда запропала она?
Эта ночь будет прежней немного короче,
Потому что приближена к лету весна.
Позабудем в ночи все былые сомненья,
Будем жить, ожидая грядущий рассвет,
Сохраняя привычно живые уменья –
Находить на загадки природы ответ.
Не страшась ни любви, ни угроз, ни измены –
Будем жить, как не жили ещё отродясь...
Пусть случатся в судьбе перемены –
С небесами уже не нарушится связь.

ДОРОГА НА РОЖДЕСТВО

Не морозец – мороз.
А путь мой – дальний.
Не обойтись без слёз
Исповедальных?
А в небе виден храм,
Где звёзды – свечи.
Я им хвалу воздам
В безмолвной речи.
И будет эта речь,
Такого ритма:
Она сумеет течь –
Почти молитва...
А вот обратный путь –
Всегда короче:
Могу вздремнуть
Под взором ночи.

РОЖДЕСТВО

Эта ночь достойна поклоненья.
И поля, и речку ведь не зря
Замело снегами без сомненья
В ранних числах января:
Наступает время откровенья –
Будет миром править красота.
А она достойна поклоненья,
Потому – морозна и чиста.
Эта ночь достойна восхищенья –
Молчалива, празднична, строга:
Здесь при лунном освещеньи
Серебром блестят её снега.
Эта ночь, без всякого сомненья,
В Лету никогда не уплывёт.
А точней – не будет ей забвенья,
Вот и снег кружить не устаёт.

БЕРЕГ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ

Пишу без надрыва и маски.
Важней для меня не сюжет,
А блики, оттенки окраски
И – чуточку – собственно цвет.
Коллизии быта – опасны,
А в чём-то порой – хороши.
Но я же спешу без опаски
Проникнуть в глубины души.
Понять все её устремленья,
Услышать неслышную речь,
Себя охранить от смиренья,
Тем душу, возможно, сберечь,
Чтоб в будущий час расставанья,
Закончив земные труды,
Проникнуть в пределы сиянья
Едва различимой звезды.

ТОЛЬКО НЕБО

Вновь со мною – только ветер,
Ветер поутру.
Он проветрит день и вечер,
Выдержит игру
Моего воображенья,
Призрака любви,
Растерявшей вдохновенье
И азарт
в крови...

Пониманье и признанье –
Снова впереди
Вместе с ясным осознаньем –
Холодно в груди.
И отныне – был я, не был? –
Небо – высоко.
Надо мною – только небо.
Больше –
никого.

ПИР ВО СЛАВУ

Пир во славу природы
В час лесной кутерьмы:
Чую – воздух свободы
К нам приходит из тьмы.
Скромный лес – без наряда,
Но все тропы видны,
Не нарушен порядок
Пробужденья весны.
Мне приход её нужен –
Встречи жду на ветру,
Даже если простужен
После ночи в бору,
Где скрывался от буден
И ночной кутерьмы...
Даже светлые люди
В мир приходят из тьмы.

К ЦЕЛИ

1

Откуда бы ни вышел,
Куда бы ни пошёл,
Я шёпот слыше слышу,
И слышу хорошо.
Он не похож на окрик,
И необычно прост,
Ведь это тихий отклик
Давно известных звёзд.

2

Я иду среди всякого люда,
Сквозь толпу, не задев никого.
Неизвестно – я вышел откуда,
Но, уверен, – идти далеко.
Не встречаю ни в свары, ни в драки –
Избегаю задержек в пути.
Верю: звёзды – дорожные знаки
Мне до цели помогут дойти.

ЗВЁЗДНЫЙ СВЕТ

Местный ветер на хвое настоян.
И пока ещё кровь горяча, –
На высокую ноту настроен
Свет летящего с неба луча.
Жизни смысл до сих пор не утерян,
Поднимаюсь легко поутру:
Укрепление истинной веры –
Словно праздник вхожденья в игру
Сил небесных, где правит безбрежье,
Где картина созвездий чиста,
И заката уход – неизбежный,
Но его прославляют уста.
Слышу шорохи, шелесты, звуки –
След исчез моей мнимой вины,
И растоплена горечь разлуки
При участии полной луны.
Здешний ветер на хвое настоян,
И, как в юности, кровь – горяча:
На рабочую ноту настрою
Свет летящего с неба луча.

ГОРИТ ОГОНЬ

Ясная примета
В окончанье дня:
Трудно до рассвета
Выжить без огня.
Следуя веленью:
Знай, огонь, гори! –
Я кладу поленья
В печку до зари.
В огненном владенье –
Пламени пора:
Яркие виденья,
Вымысла игра.
Времени смещенья
Властвуют теперь
Без предощущенья –
Мнимого – потерь.
Поздние приливы,
Время – не избыть...
Более счастливым
И не нужно быть.

ХОЛОД НОЧИ

Лёгкий шорох шурги по карнизу,
Шелест листьев промёрзлых в саду...
Холод ночи на посох нанизан –
Помогает на быстром ходу.
И безмолвью привычному ночи
Мягкий снег не мешает ничуть.
Потаённый упрёк одиночеств
Возвращенья приветствует путь.
И пока ещё вижу и слышу
Свет души и угрозу беды, –
Снег ложится на кроны и крышу,
На земле замечает следы.

ИНЕЙ

С. Ч.

Наше время, похоже, не минуло —
Не стирается память во мне.
Все деревья украшены инеем,
Не сгоревшим в закатном огне.
Все деревья украшены инеем,
В поздних сумерках саду светло.
Я согрет твоим солнечным именем,
И оно меня в сад привело.
Плёнкой льда покрывается озеро,
Мёрзнет сад на бессонном ветру...
Если душу твою поморозило,
Отогрею дыханьем к утру.

ПОЭТ

А другую судьбу и не требуй –
Невозможно её обрести
С дозволения высокого неба
На отмеренном небом пути.
Помолчи, не печалься, не сетуй
На итог этой жизни,

изволь

Подчиниться глухому рассвету,
Победившему острую боль.
И сегодня без крика и стога
Оцени ежедневный свой труд
И поймёшь, наконец, что ты стоишь
Перед лихом прощальных минут.
Может, так, а, возможно, иначе
Осознаешь, коль память – строга,
Нас всегда ожидает удача –
Вдохновенно-живая строка.

ЧУДЕСА

Время творчества справилось с бытом –
Пролетело, минуя его.
Это время не будет забыто,
Оно было – прекрасней всего.
Вдохновение – важное дело,
С ним возможны порой чудеса –
Незаметно, но время успело
Переплавить слова в голоса.

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Была метель. Какой была
Понять могу теперь,
Когда оставила крыла
На берегу метель.
Иду слепящей целиной,
Смотрю из-под руки,
Припоминая, кто – со мной,
А кто – мои враги.
Прошёл родимой стороной
И тяжесть снял с души –
Окрест не встретил ни одной
Неродственной души.

ДЕНЬ, КАК НАГРАДА

Где ты есть, заплутавшая вьюга?
Нынче слякоть – основа пейзажа.
Всё живое сокрыла округа,
Только ворон на ветке, как стража.
Обеднела палитра природы,
Но душа даже бедности рада:
Этой жизни продлятся годы,
И затепленный день – как награда.

ЮРМАЛА

Запах моря, запах терпкой хвои,
Влажный дух погасшего костра,
Мне тепла хватило бы с лихвою
Посидеть, подумать до утра.
Мир уснул, и только птичья стая
Не угомонится до поры.
Первый луч, в листву не проникая,
Не осушит сумрачной коры.
Что ещё напомнит о далёком? –
Резкий свет оконного огня,
Где живёт легко и одиноко
Женщина, любившая меня.

ПРОВОДЫ ЛЮБВИ

Надежда в гудках ещё бродит и бродит,
А жизни узлы, как хотел, не связал.
И вновь приезжаю на старый вокзал
Себя испытать, потолкавшись в народе.
И вижу – не надо стремиться назад,
Туда, где когда-то родились сомненья,
Где губы, глаза и слова – невпопад,
И вовремя только – сигнал отправления.

ПРАВИЛА ИГРЫ

И открылось дальнейе пространство –
Листопад был сух, красив и скор.
Осени цветное постоянство
Предвещает зимний разговор.
Но пока ему не вышли сроки,
А дожди не выпали совсем, –
Длятся, длятся осени уроки,
Никаких не жаждут перемен.
Длится, длится время ожидания,
И в преддверье снеговой пурги
Тороплю мгновенья до свиданья,
Вспоминаю правила игры.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ночные шорохи живут в моём лесу.
И что не шорох, различаю чутко.
Мне интересно и немного жутко.
В себе свои сомнения несусь.
Я о любви не знаю ничего,
И потому невольно осторожен.
Тайник души ещё не потревожен,
И сердцу не доступно торжество.
И, прошлое в душе не истребля,
Я слышу голоса в полночном хоре.
Не ведаю ещё о приговоре:
Найти тебя и – потерять тебя.

ХОЗЯЙКА-ЗИМА

Пришла хозяйкою зима –
Суха, строга, сурова.
Какая холодность ума,
Какая жажда слова!
А льдом закована река,
На льду заплаты снега.
Чуть слышен зов издалека –
Неведомого века.

ЧЕРНОВИК

Не скрип шагов. Не властный стук в окно –
Терзает ветер крылья ставен.
Угомонись, – пора уснуть давно
И переставить явь и сон местами.

И тень стоять устала за спиной,
Черновики истерзаны страницы...
Но полнится душа неведомой виной –
И хочет, и не может повиниться...

ЗАРЯ

С надтреснутым голосом утра,
Владенья Морфея круша,
Легко пробудилась и мудро,
Молчит заповедно душа.
Она не поддастся угрозам
Холодных ночей ноября,
Припомнив уловки мороза,
С которым приходит заря.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Время рвётся на части.
Я их склеить берусь.
Удалось, это счастье,
Неудача и – пусть.
В ожидании чуда
Пролетают года...
Я пришёл ниоткуда,
И уйду в никуда.

НОВЫЕ ПЕСНИ

У ранних пташек музыку подслушал.
У новых листьев и ручья – слова,
У неба испросив на всякий случай
На это своеволие права.
Не из корысти, и не ради славы,
Лишь потому, что так велит душа, –
Для новых песен жителям державы,
Не попросив за это ни гроша.

НИСПОСЛАНЫЙ СВЕТ

1

Свет звезды нескончаемо тонок,
Пронизает безмолвную высь.
На земле с еле слышимым стоном,
Нарождается новая мысль.
Ей немедленный отклик не нужен
И не нужен земной ей совет,
Если с небом сознание дружит,
Принимая ниспосланный свет.

2

Одержим ветер мыслью простою –
Разгулялся, шумят деревья,
Забавляется юной листвою,
Её шелест вживляет в слова.
И становится сердцу понятней,
Почему свет небесной игры,
Соскользнувший с палитры закатной,
Золотится в прогалинах мглы.

3

Южный ветер не знает покоя,
Завывает, клоня дерева,
Он играет случайной строкою –
Дерзкий смысл обретают слова.
И терзается небо в догадках:
Почему свет его доброты,
Растворяясь в палитре закатной,
Уступает слоям темноты.

СВЯЗЬ С ВЕКОМ

В час ночной снегопада
Скрыта кромка воды.
Побережья бы надо
На краю у беды.

Побережья б неплохо,
Чтоб живой сохранить
С непростою эпохой
Ненадёжную нить.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Приснился день – последний день земли.
Теперь и сон мне кажется кощунством.
Холодного заката тени пролегли –
От забытья до призраков искусства.
Мне каждый звук, как колокольный звон,
Тень дерева – часов всемирных стрелка.
А день, стремительно летящий вон,
Как смытая со стен домов побелка.
Ущербный свет, рождая сонм теней,
Ещё ласкает глаз моих сетчатку,
Но на востоке лес уже – темней,
А площадь вяжет из теней перчатку.
Дух воровской рождает страх и боль,
И двери – на засов, и тишина в квартире.
А домовой, взлетев на антресоль,
Грустит, что мало бедокурил в мире.
И даже тайны праздничных лесов
Не стали явью, обнажив гнездовья.
А всей земле – не до земных красот,
Не до снегов, не до утех зимовья.
Последний день. Но, заглушая боль,
Помыслить не могу о пораженье, –
Минувшего глотаю алкоголь,
И верю и не верю в возрожденье.

СОДЕРЖАНИЕ

Косточка военная жива	3
Культ солнца	47
Смертельная правда игры	65
Любовью пропитаны строки	81
Небо	109

Литературно-художественное издание

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЧЕКАЛКИН

Тропа доверия

Книга стихов

16+

Художник Ефремов Пётр
Оригинал-макет *Тихомирова Камилла*
Корректор *Миледина Мария*

Подписано в печать 00.00.2019

Формат 70x100/32

Тираж 50 экз. Заказ №

Грифон
125284, Хорошевское шоссе, 38
Тел. (499) 740-45-62
www.grifon-m.ru